

18+

Юрий Меркеев

Психологиня и психопат

философско-
психологический триллер

Юрий Меркеев

**Психологиня и психопат.
Философско-
психологический триллер**

«Издательские решения»

Меркеев Ю.

Психологиня и психопат. Философско-психологический триллер /
Ю. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503516-5

Для всех, кто любит психологию, философию и свободу. Для всех, кто понимает ответственность в личной свободе. Для всех, кто знает, что абсолютной свободы нет. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-503516-5

© Меркеев Ю.
© Издательские решения

Психологиня и психопат Философско-психологический триллер

Юрий Меркеев

© Юрий Меркеев, 2024

ISBN 978-5-0050-3516-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психологиня и психопат

Повесть в 2 частях

Часть 1

«Cockroaches in my mind – тараканы в моей голове».

1

Преподобный Герасим жил в пустыне. Он был великий подвижник. Строго постился, молился, каялся. Видел, как души усопших братьев по окончании земного бытия возносятся на небо. Вылечил однажды льва, который повредил лапу. Заноза гноилась, лев мог умереть. После этого зверь стал дружить с Герасимом. Когда преподобный скончался, лев пришел на могилу святого старца и умер. Происходило это в 5 веке нашей эры.

Я живу в современном городе. Не пощусь, не умею молиться. Подвижником меня можно назвать с иронией – подвижник чувственных наслаждений. Это обо мне. Мой глаз затуманен психологией, философией, литературой и грубыми формами удовольствий. Когда кто-то из ближних умирает, я не вижу эфирных тел, уходящих к небесам, а упираюсь твердым взглядом в крышку гроба у дома, наблюдаю кучку плачущих старух. Не понимаю, зачем они плачут? Нужно радоваться – душа перенеслась в мир всеохватной любви. Может быть, у них работа такая – плакать? Тогда бог им судья. Думаю, что они тоже не замечают эфирных тел. У них глаза затуманены суетою житейской.

Львов видел лишь в зоопарке. Вылечил однажды кота, которого подобрал на помойке. Откормил его, приучил к философии и праздности. Обозвал Сократом. Полагаю, что кот дружит со мной. Но могу заблуждаться. Во всяком случае, если меня в его жизни не станет, Сократ с удовольствием вернется к прежней вольной помойной жизни. Возможно, прослышет среди своих сородичей большим мучеником за кошачью веру, так как долгое время жил с психопатом, называвшим себя психологом.

Наверное, я должен походить на обезьяну. Если верить в доктрину происхождения человека из этой скотины, то есть основываться на том, что труд превратил обезьяну в человека, тогда должно быть и обратное: человек без труда снова становится обезьяной.

Категорически смешное умозаключение.

Все же иногда я себя вижу в зеркале. Самый обыкновенный тип. Древнего примата могу напоминать лишь после какого-нибудь злого загула, когда философская лень оборачивается тупой животной болью – тут верно: хоть покойников заноси... или выноси – мне наплевать и на то, как я выгляжу, и на то, что обо мне подумает «княгиня Марья Алексеевна». За неимением последней – мне наплевать, что обо мне подумают соседи или Сократ. Вот уж поистине болезненное тщеславие – притворяться кем-то более высоким и нравственным, чем ты есть на самом деле. Честно скажу – мне наплевать на чужое мнение о моей персоне. Поверьте, никакого кокетства: за полвека осознанного жития я немного изучил свои трещинки. Попробовал хиреющими силенками вытащить из шкафов скелеты и похоронить на погосте, и понял: паршивое это дело – бороться с привычками, которые стали второй натурой. Все равно, что

ломать естество. Силы уже не те, романтизм новообращенного в духовную жизнь угас, превратился в постромантизм, а постромантизм снова стал реализмом – только не таким пугающим, каким был в юные годы. Теперь я принимаю самого себя со всеми закоулками характера. А там, поверьте, темных мест много. Встречаются и скелеты, которые на момент генеральной уборки в доме прикинулись антуражем, а оказались элементом несущих конструкций. Тут я умыл руки, как Понтий Пилат, который оказался в ловушке страхов – поступить по совести не могу, против совести тоже. Притворяюсь философом, мудрецом. А на деле – безвольный тип, безответственный и расхристаный. Потому что слабый. И не умею отказывать людям. Учу других, а сам не умею. Вот так. И это уже не скелеты с тараканами. Это генетический код.

Тараканов со скелетами я придумал для того, чтобы оправдать свои слабости. Но как иначе? Сил ни на что нет, а жить-то нужно – и не просто жить, а по уму, потому что иначе не умею. Даже когда неделю проваляюсь в постели с тяжелого похмелья. Приходится мириться и с такими авансами. Про зарплату умолчу. Всякое бывало. Только бы ноги домой сами привели на автопилоте.

Да, друзья, у меня тонкая душевная организация в рамках толстых обстоятельств, в которых реализуется моя свобода. Хотел бы жить в Лондоне или Париже? Нет. Тонкие обстоятельства не сделают меня свободнее. Я как тот земский врач, который спас вельможу во время царской охоты в глухих лесах. Врача пригласили в Петербург, в высший свет, одарили богатыми подарками, пригласили на ужин во дворец. И тут рай обернулся адом. Врач привык к простой грубой пище, не знал церемоний, дворцового этикета. Все ему улыбаются, на серебряных блюдах передают изысканную еду, под руками лежат сверкающие приборы. А ему хочется провалиться от стыда в самую преисподнюю. Не его эта обстановка. То, что для одних – райская атмосфера, для него – ад. Вот и у меня так же: тонкие и толстые обстоятельства. А я всем доволен. Не нужен мне ни Монмартр, ни Елисейские поля, ни фонтаны Петергофа. Я заточен под сельский пейзаж, сторонюсь публики, и мало, что понимаю в жизни «комильфо», то есть неких приличий.

Сказать откровенно? Мне наплевать на то, что в обществе считают приличным.

Вы думаете, я обижен на мир? Упаси боже. Вы думаете, мир обижен на меня? Смешно. Мир относится ко мне точно так, как я отношусь к миру. Закон известный. Сила действия равна силе противодействия. А если мне наплевать на мир, то, соответственно, мир плюет на меня. Но что такое «я» и «мир»? Несопоставимые весовые категории. Если я плюну с высоты своего настроения в эфирное пространство, мою слюну разнесет ветром, и никто не заметит. А вот если наоборот, ударная волна будет чувствительнее. Мир – это сотня тяжеловесных верблюдов, а я – комар. Я и не думаю состязаться. Мир приличий пытается отцеживать комара, а верблюда не замечает. Потому что сам из этих существ состоит.

Один кудрявый чудака из прошлого века голосил под гитару: «Я не склонен прогибаться под изменчивый мир. Пусть мир прогнется под нас». Мальчишество. Красное словцо. Мир прогнется под тебя, детка, чтобы пружиной треснуть по затылку. Тогда и голос прорежется и смыслы. И это будет называться экзистенциальным переживанием. Мир лягается очень больно. Но если в момент контузии ты не поймешь, что перед тобой открывается источник смыслов, грош тебе цена. Иди со своей гитарой петь в подворотнях. И пить портвейн.

Или учись примиряться с собой. Потому что сломать головой лаврскую стену еще не удалось никому. Остановить ладонью течение Москвы-реки тоже. Попробуй посмотреть на себя без преувеличений и самовлюбленности. Без болезненной стыдливости и тщеславия. Просто посмотри на себя и скажи: кто я есть? Если найдешь ответ, ты на правильном пути.

Вот я иногда смотрю на себя в зеркало, трогаю пальцами помятое лицо, упираюсь в многодневную щетину и думаю: вероятно, человек произошел от обезьяны, а потом присматриваюсь к щелкам глаз, улавливаю в них мысли – худенькие, больные, но мысли. И говорю вполголоса: «Нет, я мыслю, значит, я не обезьяна. Вчера напоминал безобразного примата. Что делал,

не помню, но что-то делал скверное. А сегодня уже нет, сегодня – бросок в сторону человека. Стало быть, не все потеряно!»

«А как же подвиги?» – спросите вы. – «Как же мечты и фантазии идеалиста?»

Плюньте в мою сторону, если я когда-нибудь заикнусь об этом. Я не плюну в ответ.

Единственным подвигом считаю примирение с самим собой.

Нет, не с миром. Мир есть лстец и обманщик. Мир – это блудница вавилонская. У меня нет ни одного повода склонять перед ним голову. На колени он меня ставит часто, но поклоняться ему я не собираюсь. Поклоняться в том смысле, что жить по его законам. Или по его беззаконию, которое он величает законом.

Да. Я, наконец, принял себя без брезгливости. И могу сказать, что за этим простым утверждением стоят годы борьбы с собой. Смешно. Для того чтобы помириться с самим собой и обрести некое подобие гармонии, сначала нужно изодрать в кровь нервы и мускулы, и понять, что занимаешься садомазохизмом. Нет, увольте. К черту самоедство, к черту поиски истины. Истина одна, она существует без умственных конфигураций, а самоедство и поиски ради искажения приводят к плачевному финалу. Что проку от умственных доказательств истины? Истина не доказывается, а показывается. Так же, как не доказывается математически красота или любовь. Они переживаются. Если, конечно, сердце и мозги у тебя не заточены под математику, как под первозданную красоту. И такое случается – редко, впрочем.

Только опыт увиденного и пережитого может быть достаточным основанием принятия истины. Все остальное – скольжение голым задом по наждаку.

– Что такое красота? – спрашивал Сократ софиста.

– Ты что, Сократ, не знаешь, что такое красота? Посмотри на симпатичную женщину, лошадь, собаку, и ты увидишь красоту.

– Нет, – отвечал Сократ. – Я говорю не о красивой собаке, лошади, женщине. Я говорю о красоте. Разве самая прекрасная женщина сравнится по красоте с богиней?

– Клянусь собакой, Сократ, ты задаешь неудобные вопросы. Не лучше ли держаться в рамках приличий?

Рамки приличий – это способ человека ускользнуть от свободы. Нет ничего удобнее, чем спрятаться за пакет добродетелей, еще легче – схватить дубину «приличий» и отходить ей всякого, кто посмеет задавать неудобные вопросы. Лучшая защита – нападение. А если не получилось справиться дубиной приличий, можно метнуть в противника копьё «культуры». Культура – универсальный инструмент воздействия на благородных бунтовщиков.

Мне посчастливилось пережить истину. Только не хватает сил оставить все и последовать за ней. Ноги переломаны, желудок болит, сосуды головного мозга воют как холодная вытяжка в печи, подкинешь топлива, немного согреются и успокоятся. Поздно, батенька, поздно учиться летать, сначала правильную ходьбу освой малыми шагами. И дыхание. И при этом не злись на собственную мизерность. Хотя бы не раздражайся. Комариными шагами – в сторону красоты.

И занимайся своей психологией, если она помогает хотя бы осмыслить и оправдать людей. Не суди только.

Живу я один. Привык к одиночеству, как привыкают к наркотическому яду. Без него уже не могу, хотя и понимаю, насколько с ним опасно. Но последнее время чувствую себя очень уютно. Как опийный наркоман, у которого под рукой всегда есть лекарство. Для меня яд и лекарство – это одиночество. Все зависит от дозировки.

А еще – кот. Не простой. Философский, психологический, экзистенциальный. Сократ. Рыжий, старый и толстый.

Ему постоянно нужно утверждать и обозначать свое существование. Ему нужны прорезанные из обыденного пространства смыслы. И он прорезает их там, где можно и где нельзя. Чаще – последнее. Спинка дивана вся прорезана смыслами, кошачий туалет тоже, ковер с клоч-

ками рыжей шерсти, «кладбище» куриных костей под кухонным столом – все это Сократовские смыслы.

Иногда он специально будит меня по ночам, когда я валяюсь с похмелья, чтобы я разолился, вышел из себя и «обозначил» его существование трепкой.

Сократ поднимается на лапах к моему уху, громко орет, потом стремглав убегает, прячется под диваном и скрипит. Одним словом, экзистенциальная сволота.

Увы, мне тоже необходимо утверждаться полными абсурда поступками – чтобы остро ощутить себя не каким-то мыльным пузырем или комариной единичкой, а человеком. Только не тем, который звучит гордо. Это оставьте для кудрявых мальчиков с гитарами, которые призывают пробивать лбами каменные стены. Экзистенциализм, мать его! Я твердо знаю смысл своей жизни, но не могу его осуществить в полной мере. Не могу избавиться от привычек, которые так же далеки от идеала, как набор психологических свойств обезьяны от человека. Не правда ли, велика пропасть? Слишком даже велика.

Однако нужно жить. В мире с самим собой и постоянной вражде с миром.

И по возможности обозначать свое существование подлинными смыслами в открывающемся истиной пространстве.

И еще – если ты поэт, смотри чаще на ночные звезды. Если ты не поэт, все равно выходи на балкон и смотри. Быть может, когда-нибудь заметишь, как одна из звездочек тебе подмигнула. И пригласила в полет. Тут могут открыться подлинные моменты жизни. Не уппусти мгновения.

А если у тебя нет балкона, и ты не поэт, и твоя голова редко поворачивается к звездам, тогда иди и смотри себе под ноги – и там можно увидеть в луже отраженную звезду. А ну, как подмигнет?

Последнее время я так и делаю – редко смотрю на небо. Шея болит. Артроз, наверное, шейных позвонков. Мой взгляд все чаще вбивается в землю под ноги. И лужи встречаются, и звезды в лужах. Знаете, нужно быть фарисеем, чтобы воротить нос от звезд, подрагивающих в лужах. И те, и другие достойны похвалы. Как там апостол сказал? Иная слава солнцу, иная луне, иная звездам, но и звезда от звезды разнится во славе своей. Так вот, скажу вам откровенно, звезды под ногами нисколько не мельче звезд небесных. Те смотрят на мир свысока, подмигивают в надежде на романтический выплеск какого-нибудь сентиментального идиота, а эти под ногами смиренно ждут, когда на них кто-нибудь взглянет. И я смотрю. Да. Смотрю и люблю. И нет во мне никакой брезгливости. Высокомерия нет. Почему? Потому что я знаю себе цену. И не жду котировок на повышение. Живу тем, что имею. Наличностью своей живу. И не наступаю на звезды в лужах. Берегу то малое, что могу себе позволить. Жанна из зеленого, Ольга из красного, Катя из аптеки – все это звездочки на земле. А вот Ирина-психолог как бы наполовину там, на небе, наполовину на земле. Зачем-то я ей интересен? Не только же, как патологический типаж для презентации. Мы с ней когда-то учились вместе, она стала психологом, я не доучился и вышел из университета, чтобы никогда в него не входить. В жизнь через армейские башмаки.

Через двадцать лет мы случайно встретились, сначала в интернете, потом наяву, и она предложила мне написать за деньги рассказ для ее презентации – историю молодого психопата. И я схватился за эту идею, как мой Сократ за куриные головы – выпотрошить, высосать, подпитать себя чужими мозгами.

Половина второго ночи. Звезды болтаются над крышами домов как перезрелые плоды. Кажется, руку протяни и сами упадут. Где же ваше небесное тщеславие? Молчат. Не живые какие-то. Силиконовые. Все стало фальшивым в мире, включая звезды. Мясистые силиконовые звезды, которым нечего сказать одинокому созерцателю. Тьфу на вас. Сколько романтических душ покалечили ложной доступностью. Подмигивали, приглашали в полет, провоцировали на откровенность. Принимали исповеди и мигали-семафорили, словом, водили за нос.

И когда очередной влюбленный выпархивал, как птица, на крыльях фантазии, вы потешались. Закон всемирного притяжения не обманешь. «Dura lex sed lex». Закон суров, но это закон.

Не спится. А когда не спится, меня мучают мысли – самые разные. Лучше их куда-нибудь послать. В смысле собрать воедино и направить в творческий полет. Только не к силиконовым звездам. Лучше к тем, что на земле. Или двинуть крестовым походом на некоторую идею. Психологическую идею, потому что мое незаконченное образование иногда теснит, как теснит плоть у монахов-затворников. Наверное, потому, что незаконченное. Идею необходимо реализовать, иначе захочется напиться, а потом еще и еще. А жить нужно со смыслами. Где же эти смыслы найти? Из чего извлечь? Из серости однообразных будней? Не выходит. Квадратный корень из нуля будет нуль. Квадратный корень из единицы будет единица. Необходима иная система координат. Не Эвклидова. Из чего же извлекать смыслы? Вероятно, из того, что лучше получается.

Ирина говорит, что я мог бы стать неплохим психологом, но психология начала теснить. То есть, перестала давать смыслы. Одна бессмыслица. А я не могу жить без острого переживания жизни. Если в мою жизнь долго не приходят смыслы, я начинаю благородно бунтовать. Благородство быстро меняется безобразием, бунт превращается в зоологию. От любви до ненависти один шаг. От человека до обезьяны тоже. Скользнул в обезьяний бунт и хорошо – на время можно жить без смыслов. Видеть под ногами в лужах отражение обезьяны и улыбаться. Так можно жить неделю, две, даже месяц. Но потом приходит утро, когда смотришь без улыбки в бездну зеркального пространства и понимаешь, что ты созерцаешь уже не себя, а свою обратную перспективу. Как на иконе – на переднем плане проступает все светлое и благородное, на заднем – то, что находится рядом. Надо мной нависают голые стены со змеиными обоями, а передо мной только щелки глаз, в которых корчатся в агонии мысли. Наверное, таким предстал перед Богом согрешивший Адам?

Крохотные светлячки – это единственное светлое и благородное, что проступает на моей иконе. Но они живые. Не то, что звезды.

Эти мысли и есть мои спасители.

Они выводят меня на пространство смыслов, как ивановские светлячки заблудившегося на болотах путника. Сделаешь первый шаг – как после шоковой терапии – радость бывает от малого: от Сократа, от солнышка за окном, от банки легкого пива. И все – обезьяна впадает в анабиоз, человек пробуждается. Да здравствует гомо сапиенс.

«Канис вивус мэлиор эст леонэ мортуо»

«Живая собака лучше мертвого льва»

Идея рассказа проста: почему Юлиан не смог стать человеком толпы? Зачем ему бешеное сумасбродство? К чему темный криминальный бунт? Понимал ли он свои патологические поступки? Осознавали сам себя? Задавался ли хоть раз вопросом: что идет впереди – болезнь или преступление? Раскольниковых сегодня нет – идеи скукожились, как мозги от долгого употребления кокаина. Теперь так – да-да, нет-нет, остальное от ума, которого осталось мало.

Не спится. В окне дома напротив – мерцающий свет. Ровно на четвертом этаже. За чулочными занавесками. Кто там? Любопытно. Такой же поночужный мечтатель, как я? Или девушка, задремавшая над книгой? Метнуться бы мысленно к этому свету и посмотреть. Если девушка, то вряд ли за книгой. Ну, почему так мельчают люди? И сам я – тоже мельчаю. И мой Юлиан совсем не Цезарь. Мелкий городской бесенок со своим набором дурных привычек. Порочный тип.

Начал писать. Не хочу углубляться в переживания героев. У меня будет чистая психология. Без экзистенциальных переживаний и мук совести. Совесть – это когда разучился обманывать красиво. Совесть – это для избранных. Мои герои с подсушенными мозговыми извилинами, они умеют бояться и душить свой страх. В этом они обретают свободу – магию закрытых глаз. Есть два способа избежать проблем – бороться с ними честным оружием или закрыть

крепко глаза, втянуть через опаленные ноздри белый кристаллический порошок и умереть – на время, а может быть, навсегда.

Интересно, какая она, девушка за чулочными занавесками? Надеюсь, не девица Мария, которой девяносто лет? Свет мерцающий – это танцующее пламя лампадки? Девица Мария молится. Что в этом плохого? Но, нет. Не хочу представлять это. Моя свобода мысли рисует в воображении женщину лет сорока в распушенном халате, с копной каштановых волос. Из-под чулочного халата дышит волнительная грудь. Глаза ворожат неоновый экран телефона. Вспыхнет ночное желание и убежит, как пугливая белка. Глаза неоновых светов, нефритовые огоньки. Подобное притягивается к подобному. Смартфон зеленит пространство комнаты. Незнакомка ждет звонка. Это ближе к реальности.

Из этого подъезда по утрам выходит молодая женщина с двумя собаками. Худая, как скрипка. Руки-плетки. Поводки натянуты. По всему видно, что особа нервная. В очках и черном кепи. Скрипка тела зажата струнами поводков. Собаки черные и худые. Нет, это не она. Незнакомка имеет пышные формы, рыжие волосы и нефритовые глаза. Только так и никак иначе. Если это собачница в черном кепи, значит, это не правда. Не правда – это то, что не соответствует моему мечтательному настроению. Если я нахожусь под воздействием этого настроения сию минуту, и если настроение напрямую связано со зрительными образами, это означает, что настроение истинно, даже если не соответствует реальности. Реальность – это то, что я переживаю. А я хочу переживать именно то, что рисует воображение. Значит, для меня это истинное переживание.

Не спится мне. Начало рассказа о Юлиане положено. Не спиться бы. Каламбур. Оговорка по Фрейду? Нет. Не сопьюсь. Я же немного психолог. И я свободен – в той мере, в какой позволено и полезно для моего духовного устроения. Если в моей голове замаячит, к примеру, психопатическая идея уничтожить какого-нибудь кудрявого Юлиана или истребить всех худых женщин мира, моя свобода преткнется на первом же полицейском кордоне. Хочу соединиться в нефритовых желаниях с незнакомой мне женщиной, но эта свобода будет не абсолютной, потому что нет никакой пользы в абсурдных желаниях. Только то, что исходит из моего настоящего осознанного «я», то есть от личности, может и должно быть свободой.

Правдой будет легкий флирт с незнакомкой, обмен звонками по ночам, встречи – короткие, бурные встречи, в которых вспыхнет симфония двух одиночеств, на время превратится в острый экстагический вопль, в сублимацию всего видимого и невидимого, как при первоначальном падении Адама и Евы. Когда с них спала пелена святой непогрешимости, и они увидели друг друга в разоблаченных телах. Фиговый листок последним пал в раю девственности. Мужчина и женщина соединились в торжествующем крике, это был первый вопль рождения нового человечества. Вопль, адресованный искупителю.

В эту минуту моя свобода реализуется в желании написать рассказ и мечтательно поиграть образами, рожденными мерцающим огоньком. Не так много для счастья? Но счастье состоит из цепочки радостных переживаний. А то, что я только что обозначил, несет за собой именно такие переживания.

Нет, не сопьюсь. Прошло то время. Теперь у меня накопился опыт праздности. И я рад этому.

Как бы назвать эту незнакомку? Пусть будет Ева. Много распутного и благородного исходит от этого женского имени. Мученического и счастливого. Блудного и святого. Назвать образ – значит, посадить его на мысленный поводок. Чулочный ажурный мечтательный поводок.

Вспомнил странную особенность окон напротив – в солнечные дни от них отражается солнце и слепит глаза. Из всего дома – только эти окна. Как минимум, повод познакомиться с хозяйкой. А если не хозяйка? Если не одинока? Если семья? Ладно, оставим это. Так должен мыслить мой Юлиан, который желает иметь весь мир, а получается, что мир его имеет.

Утром по-новому воспринимаешь ночной текст. Более трезво и придирчиво – по настроению и состоянию души и тела. А до девяти, сами понимаете, состояние...

Пробежал глазами, поправил места категорических оценок. Психолог, который норovit поставить всем диагнозы и умыть руки, как прокуратор Понтий Пилат, должен на время умереть. Иначе менторский тон захлестнет повествование. Менторский и прокурорский. Психолог в большей степени адвокат, только не адвокат дьявола. Понять – совсем не означает простить. Понять – это охарактеризовать потаенные движения мыслей так, чтобы не возникало желания бросить в человека камень. Да. Я такой. Готов сначала всем поставить «пятерки», а уж потом разбираться в тонкостях педагогики. Открою секрет – иногда я отчетливо понимаю, кто я есть. Неужели... слушайте, неужели я стану судить? Бросьте в меня камень, если когда-нибудь такое случится. Камень и вдогонку тухлое яйцо. Ибо это буду не я. Кто-то фальшивый с головы до пят влезет в мою душу и начнет руками водить. Я так не умею. И не хочу.

Твердо усвоил: постарайся быть в одном духе с тем, который не стал швырять в порочную женщину камень. Он просто сказал тихо: «Если есть кто-то из вас без греха, тогда брось в нее камень». Это было давно – так давно, когда в людях была совесть. На мгновение они заглянули в самих себя, и им стало стыдно. Они опустили камни на землю и ушли. А она осталась. Женщина подошла к человеку и спросила:

– И ты не осуждаешь меня?

– Нет, – сказал он. – Не осуждаю. Иди и впредь не грехи.

Я не должен окрашивать действия героев в категории «жутко», «уродливо», «паршиво», «непристойно». Читатель перестанет ощущать свободу. Он почувствует себя школяром, которому навязывают академическую программу. По типу концентрационного лагеря – шаг влево, шаг вправо равно предательству. И расстрелу. Читатель сам решит, кто есть кто. Автор должен деликатно подвести к свободному принятию решений. Не нужно извращение характера называть «омерзением», это не учебник нравственного богословия, это психологический этюд.

Сальные волосы или нечистая кожа в описании персонажа расскажут читателю больше, чем сотня диагнозов. Выражение глаз, интонации голоса, вибрация губ, произвольные движения пальцев – все это объемнее передаст внутреннее состояние человека. Особенно, голос. Улыбка, смех. По тому, как человек улыбается, можно понять, сколько скелетов спрятано у него в шкафу. По тому, как он смотрит на других людей, можно прочесть его мысли. А походка? Кажется, японцы изобрели аппарат для диагностики заболеваний головного мозга по одной походке. Каково? С одним допущением – если герой не артист до мозга костей. С такими трудно. Возьмите плакальщиц на похоронах. Вроде и горе – как ни как, человек умер. А все равно плачут за подавание. Разве ж это плач? Обойдусь без артистизма. Мой Юлиан сволочь фигуристая, но не проститутка. Изворачиваться умеет, лжет, портит себя сам, но не ликует в этой мерзости. И вообще, договорились – да-да, нет-нет, остальное от малого мозга.

Сутки я практически не выходил из квартиры. Пытался настроить себя на позитив.

Всю ночь накрапывал дождь. Теперь во дворе сочиво. Небесная влага выползает из земли, деревьев, фасадов домов, она стекает с умытых крыш, проникает в растительную часть всего живого, включая человека. Забирается в вегетативную нервную систему и выжимает легкую грусть. Я научился играть с природой в прятки. Когда серая пелена за окнами провоцирует меня на ностальгию, я не вытаскиваю из памяти ноутбука фотографии жены и сына, нет. Не заливаю в себя коньяк, не глотаю успокоительное средство. Зачем поддаваться внешним раздражителям?

Я захожу на какой-нибудь форум в социальных сетях, где болтают о чепухе, и начинаю активно общаться. Через полчаса у меня подпрыгивает давление, я благородно негодную на повсеместную тупость, мысленно проклиная интернет и себя самого, попавшего в ловушку лукавого духа. Но одновременно отвожу от себя серую пелену ностальгии. Дождь с грозой про-

бываются в параллельном мире абстракций. Мой мир не колеблется. Он стоит великой китайской стеной, которую невозможно пробить молотом простых психических усилий. Град, гром и молнии обрушиваются на фантомных людей из виртуального мира. Вот она – грубая форма психотерапии. Теперь не нужно плести из соломы фигуру врага и сжигать его, как сжигают чучело масленицы, чтобы привлечь благополучие и обновление души; совсем не обязательно выезжать к бегущим по рельсам поездам и кричать во все горло, чтобы избавиться от негативных переживаний. Сегодня можно пролиться золотым или нефритовым дождем в мире иллюзий, улыбнуться несуществующему лицу, сотворить жирный комплимент обнаженной девице, поскандалить в спорах о политике, ущипнуть самолюбие профана, поиграть в бисер на психологическом форуме. И вот – дело сделано! Гроза прошла стороной. Метнула огненные стрелы в виртуальное капище – место проявления грубых сил, трения страстей человеческих.

Да здравствует интернет как форма мягкой психотерапии.

Будь проклят интернет как эрзац чувств.

Уставшие от рутины верблюды и комарики приползают за плотской любовью в мир виртуальных фантазий. За деньги или без денег верблюды отцеживают комаров, а комары впиваются маленькими хоботками в верблюдов. Верблюды смешиваются с комарами, крики с писками, шерсть с крылышками, на пиршество любви слетаются, сбегаются, приплывают кентавры, драконы, тролли, гномы. И вырывается из общего хора стоны томления. «Земля покрыта асфальтом города, у мира дьявольский аппетит, мир хочет голого, голого, голого. Стриптиз бастует, он победит».

Герой моего рассказа много вытянул из мира реализованных в виртуальном пространстве идей. Он почерпнул там свободу, в которой был ограничен в реальности – строгая властная мама, которая воспитывала мальчика одна. Отец его покончил с собой, когда Юлиану было три года. Он удавился в ванной комнате коммунальной квартиры.

Юлиан проникал в параллельные миры для того, чтобы прокричать на фоне «счастливых» лиц, что он глубоко несчастлив. А когда его игнорировали, возбуждался жадой мщения – наивной, грубой, детской, инфантильной жадой увидеть страдание людей, которые не замечали его мучений. Когда ему было пять лет, он рисовал в воображении собственные похороны и убитых от горя взрослых, которые причинили ему боль. Будучи подростком, Юлиан освоил орудия истребления виртуальных врагов. В компьютерных развлечениях не было равных по мастерству убивать тому, кто вступал в игру под псевдонимом «цезарь».

Влажным сквозняком качнуло занавеску. Посмотрел на окна четвертого этажа дома напротив. Наши дома – близнецы. В солнечную погоду меня слепит осколочное светило, отраженное в ее окне, вечером остывшее солнце приходит в наш дом. Утром я не могу видеть, что происходит за ее занавесками, потому что – восходящее солнце, вечером не могу, потому что солнце заходящее. Великолепное светило защищает мое воображение от излишества реальных деталей так же, как закон внешний запрещает реализовывать необузданные желания. Солнце – благо. Нравственный закон, прекрасно оформленный у Канта.

А вот ночью от игры воображения меня не закрывает ничто.

Сегодня нет солнца. С улыбкой поглядываю на балкон, на котором сохнут два-три полотенца красного цвета. Скорее всего, хозяйка проживает одна. Если бы у нее была семья, балкон был бы усеян одеждой. Странно то, что я никогда ее не видел, хотя живу в этом доме больше пятнадцати лет. Какая-то странная любовь к ярко красному. И полотенца на ветру колышутся как гюйсы на боевом корабле.

Когда по утрам вспыхивает солнце на ее окне, почему-то именно на одном окне, мне становится весело без причины. Теплота отражения проникает в мою плоть. Смешно. Как можно воспринимать такие элементарные явления природы столь поэтично? Я же психолог. Человек с набором диагнозов под все случаи жизни. Со мной женщины начинают скучать после первого же свидания. Потому что не могу остановиться в маниакальных желаниях все

и всех причесать, разложить душевные проявления по полочкам, накинуть невидимый поводок на предметы, стать их хозяином, повелителем, вождем. Прав был Бродский. Хватит нам психоанализов, ты просто приди и обними меня.

В моей душе много темных закоулков. Может быть, это хорошо, что я немного разбираюсь в психологии? Было бы хуже, если бы моя свобода начиналась и заканчивалась реализацией тайных желаний.

Впрочем, невротической начинки во мне много, очень много. Если я, к примеру, заболеваю инфекционной простудой, для меня проблема начинается не с подъема температуры, а с острого страха кого-нибудь заразить. Это не чувство вины, это иное. Открытые незаживающие раны от борьбы со своим естеством.

Прими самого себя таким, каков ты есть, и получишь первые залогов мира.

Все натуры человеческие очень разные. Кто-то принимает себя сразу и целиком, несмотря на угрожающие уродства – нет, я не из этих пациентов всемирного сумасшедшего дома. Нет сомнения, что я болен, но несколько иначе. Есть у меня понимание того, что «барина» на лице не носят с самодовольной гордыней. Что есть вещи, которые необходимо лечить. А если исцелиться не получается, тогда на помощь приходит косметика. Все это я понимаю. Однако существуют такие изгибы души, которые в глаза не бросаются своей патологией, но внутри патологии живут. Как тараканы в голове, которые заводятся от нечистоты мыслей. При этом сама голова может выглядеть весьма импозантно.

В общем, я имею в виду патологию духа, которая проникла в самую суть моего «я», стала элементом душевной матрицы. Лечить ее методами оперативного вмешательства означает себя калечить, осклоплять.

Я сторонник той медицины, которая соприкасается с изначальным пониманием слова «врач». Мне ближе заговорить грыжу или убедить рожу покинуть место ристалища, нежели ложиться под нож хирурга.

Да. Я в полной мере враль – от слова врачевать недуги.

2

Люди все очень разные. Кто как не психолог, даже недоучившийся, должен об этом знать. Двух листочков, упавших с дерева, не бывает одинаковыми. Что говорить о людях? Если взглянуться в материю строже, можно увидеть бесконечный поток. Из вечности истекает, в вечность возвращается.

Надо мной живет соседка, которой за восемьдесят. Тетя Галя. Одинокая женщина с букетом болезней. Каждый год тетя Галя уезжает в платную клинику и удаляет очередную опухоль на внутренних органах. Откуда в ней появляются опухоли – загадка. Такое впечатление, что она их старательно взращивает внутри живота, как опытный фермер грибы на грядках. Кажется, живот ее набит соломой, черноземом и грибницами, а фигура год от года становится круглее, пузыристей и мягче. Удаленные органы, очевидно, высвобождают пространство, делают старушку легче, чем она есть. Еще три-четыре хирургических вмешательства, и тетя Галя взлетит как воздушный шарик.

Я знаю, что она одержима лечением. Ей весело от того, что она не видит половину предметов и спускается с пятого этажа, держась за перила и считая вслух ступеньки. Она улыбается и поет под нос какие-то песни. И чем труднее ей становится в быту, тем больше она себя такой принимает. И ей наплевать, что кто-то из прохожих подумает или скажет ей вслед, что бабуля не следит за одеждой, что иногда надевает юбки задом наперед и забывает расчесать волосы. Она себя принимает со всеми недугами, от которых долго не живут, а это и есть смирение, которое жизнь продлевает. Плюс – одержимость здоровьем, то есть блажь. Тетя Галя не блаженная, но блажная. Внешне блаженные и блажные весьма похожи. У них в сердце какая-то энергетическая батарейка. Глаза светятся в темноте, как у кошек.

– Андрейка, – скребется она иногда в мою дверь по утрам. – Отнеси мусор, если не трудно. Не дойду до помойки. Не вижу ничего. Вчерась вошла в темноту первого этажа и на кошку чью-то наступила. Чуть не померла. Ноги поехали. Ты же знаешь, что я не вижу ничего. А кошка у кого черная? Не у Насти? Всю дверь мне обгадила. Так сходишь? Или нет?

– Схожу, тетя Галя, – улыбаюсь я. – Под дверью оставьте мешок. Или повесьте его на ручку. Черных кошек в нашем подъезде нет. У меня рыжий, огненный, не заметить его невозможно, но я его на улицу не выпускаю. У Насти розовый, как поросенок, породистый. У квартирантов с первого этажа грудной ребенок. Может, вы не на кошку наступили?

– Не на кошку? А кто завопил как резаный? Нет. Это я завопила. А этот ...мне в ногу вцепился. Передай на первом этаже, чтобы не экономили на лампочках. Пускай вкрутят. Угробиться не долго. Кто же умирает, наступив на черного кота? Я не хочу умирать так позорно. Мне еще племяннику квартиру оформлять и стояк новый делать. И двери покрасить. И раковину заменить. И... много дел еще у нас есть. Рано помирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.